

Сегодня я не убью тебя, но если завтра я снова не увижу её...

Всё, что не было высказано вслух, читалось во взгляде Увана, холодном и пронизывающем.

Сначала Дань Юнь не понимала, с чего это этот монах вдруг появился к ней.

Теперь... она, кажется, всё поняла.

Всё из-за того Малого демона, которого забрала Хун Лин...

Если подумать, Хун Лин и вправду не появлялась уже довольно давно.

Когда Дань Юнь, преодолевая тяжелые раны, вернулась на Гору Сяншань, Хун Лин всё еще занималась тренировками с Цзян Нин.

Почувствовав ци старшей сестры, Хун Лин тут же бросила Цзян Нин и побежала к Дань Юнь.

— Сестрица!

После замужества Дань Юнь редко бывала на Горе Сяншань, и теперь, когда она наконец заглянула сюда, Хун Лин, естественно, была вне себя от радости.

Она толкнула дверь и вошла, но улыбка на её лице вмиг испарилась без следа.

Потому что она увидела, что раненая Дань Юнь обернулась истинным обликом и обессиленно лежит на кровати.

Хун Лин в испуге подбежала к ней.

— Сестрица!

— Кто? Кто тебя так отделал?! Я пойду и убью его!

Увидев жалкое состояние Дань Юнь, Хун Лин горько заплакала, и крупные слёзы градом посыпались из её глаз.

В её сердце мгновенно вспыхнула ярость, ей хотелось прямо сейчас пойти и разорвать ублюдка, посмевшегося поднять руку на старшую сестру, на куски.

— Сяо Лин... — голос Дань Юнь по-прежнему звучал мягко, когда она обессиленно позвала Хун Лин.

— Ты говорила мне про того Малого демона, которого привела сюда. Приведи её ко мне...

— Сестрица... — Хун Лин не понимала, почему сестра просит её о Цзян Нин именно сейчас, разве не раны на её теле были важнее всего на свете?

Хун Лин направила духовную энергию, чтобы исцелить старшую сестру, и, передав Дань Юнь половину своих сил, вновь приняла человеческий облик.

— Сяо Лин... ответь мне, этот Малый демон последовал за тобой по собственной воле?

Силы ещё не вернулись к Дань Юнь, но она всё равно через силу приподнялась, крепко схватила Хун Лин за руку и допытывалась у неё.

— Нет, сестрица! Сейчас ты должна рассказать мне, кто тебя покалечил, а не расспрашивать про этого Духа лотоса!

— Приведи её сюда.

Дань Юнь остановила Хун Лин, уже готовую вспыхнуть от гнева, и крепко сжала её ладонь.

Хун Лин всегда слушалась Дань Юнь.

Она закусила нижнюю губу, сдерживая непрекращающиеся слёзы.

Поднявшись на ноги, она вышла из комнаты.

Вскоре она вернулась, волоча за собой Цзян Нин.

Увидев Дань Юнь, Цзян Нин сначала была поражена её невероятной красотой.

А затем заметила, как та слаба.

Дань Юнь улыбнулась, глядя на Цзян Нин. От неё исходило такое мягкое тепло, напоминающее заботливую старшую сестру, что к ней невольно проникались доверием.

— И впрямь прелестное создание.

Произнесла Дань Юнь, глядя на Цзян Нин безо всяких предисловий.

Цзян Нин захлопала своими наивными, широко раскрытыми глазами, совершенно не понимая, к чему всё это.

Дань Юнь прикрыла рот рукой и пару раз кашлянула.

А затем обратилась к Цзян Нин:

— Должно быть, тебя с тем монахом связывает нечто большее, чем просто знакомство... Кхе-кхе, и Сяо Лин привела тебя сюда вовсе не по твоей воле.

Выслушав её, Цзян Нин кивнула.

— Я совсем не хотела сюда идти, это Хун Лин заставила меня остаться, — честно призналась Цзян Нин.

В тот же миг Хун Лин щелкнула её по лбу.

— Эй! Ты, Дух лотоса, я же из добрых побуждений спасла тебя от этого проклятого монаха да еще и учила культивации, а ты вот так платишь добром за зло?!

Хун Лин дала понять, что она ужасно зла! Она-то думала, что Цзян Нин согласилась следовать за ней в тренировках, потому что сама захотела остаться здесь.

Кто же знал, что та возьмет и скажет сестрице, будто её силой приволокли сюда.

Хотя... хотя она действительно немного переборщила с принуждением.

Но всё лишь из страха, что стоит той выйти наружу, как проклятый монах снова схватит её.

Этот монах был донельзя суров, и ей совсем не хотелось, чтобы Цзян Лин попала к нему в руки.

Кожа у Цзян Нин была нежной от природы, и от такого щелчка на лбу мгновенно вздулось большое красное пятно.

Она со слезами на глазах прикрыла лоб ладонью и легонько поглаживала его.

Хун Лин и вправду относилась к ней хорошо, но порой её нрав был поистине буйным.

— Сяо Лин!

Дань Юнь увила столь грубую выходку Хун Лин и строго пресекла её окриком.

Хун Лин была по-настоящему расстроена. Она всегда отличалась прямолинейным характером, и она искренне хотела подружиться с Цзян Нин и вместе заниматься культивацией.

Поэтому ей было так больно осознавать, что Цзян Нин её не любит.

— Возвращайся к себе, — Дань Юнь взяла Хун Лин за руку, усаживая рядом с собой, но взгляд её был устремлен на Цзян Нин, и слова предназначались тоже ей.

— Сестрица! Ты... — Хун Лин не понимала, почему Дань Юнь прогоняет Цзян Нин.

Получив от Дань Юнь разрешение уйти, Цзян Нин тут же радостно улыбнулась.

— Спасибо. Она обратилась к Дань Юнь.

Что до Хун Лин:

— Хун Лин, тебе не нужно переживать обо мне. У нас с Уваном всё не так, как ты думаешь. Он хоть и поймал меня, но ничуть не обижал, и рядом с ним мне ничего не угрожает.

Она знала, что Хун Лин добра к ней, да и неблагодарной она вовсе не была.

— Спасибо, что заботилась обо мне эти дни, мне пора возвращаться. Когда у тебя будет время, приходи навестить меня.

Цзян Нин с улыбкой помахала Хун Лин рукой.

А затем с помощью магии покинула это место.

Без преград со стороны Хун Лин Цзян Нин сумела покинуть Гору Сяншань в мгновение ока.

Цзян Нин не знала, где искать Увана, поэтому ей оставалось лишь вернуться к их прежнему убежищу в Юнчэне.

Она залетела внутрь через окно.

В комнате царил полумрак, свечи не горели.

Цзян Нин сотворила заклинание, зажигая светильники, и лишь тогда заметила, что рядом с ней кто-то стоит — сама она не почувствовала этого вовсе.

— ...Уван.

Узнав того, кто перед ней, Цзян Нин сначала просто окликнула его.

А затем, разглядев произошедшие с Уваном перемены, ее глаза вновь наполнились изумлением.

Монах весь сиял золотым светом...

Между бровей у него появилось золотое клеймо.

Уван просто неподвижно смотрел на нее, молча.

И лишь скрытые на самом дне его глаз бурлящие эмоции продолжали непрерывно бродить.

Цзян Нин страшилась испускаемого Уваном буддийского сияния: ей ужасно хотелось приблизиться к нему, хотелось обнять его...

Но она действительно боялась...

Ведь она была ёкаем...

Пусть даже она была доброй лисицей, страх перед подобными божественными проявлениями всё равно оставался неизбывным.

Уван словно разгадал ее мысли.

Он шагнул назад в комнату.

Цзян Нин очень хотела пойти следом, но страх заставил ее замереть на месте.

Вместо этого она подошла к столу и налила себе чаю.

Неужели Уван не заметил ее ухода? Почему, увидев ее возвращение, он не задал ни единого

вопроса?

А те младенцы — неужели он всех их отыскал?

Цзян Нин так хотела спросить об этом.

Однако Уван молча, не произнеся ни звука, ушел вглубь комнаты.

Пока Цзян Нин размышляла, стоит ли ей зайти следом, Уван сам вышел наружу.

Он уже сменил сиявшую золотом монашескую рясу на другую.

На нем снова была прежняя, самая обычная и потрепанная монашеская ряса.

А золотое клеймо между бровей исчезло.

Что это было? Он что, прямо на ее глазах устроил какое-то перевоплощение?

Впрочем, тот недавний Уван действительно внушал Цзян Нин такой страх, что она не смела и близко подойти.

Нынешний же Уван не вызывал у нее прежних опасений.

В конце концов, они провели вместе столько времени.

— Уван, тех младенцев удалось найти?

Уван сел рядом с Цзян Нин, и она тут же принялась расспрашивать его.

Уван на мгновение замолчал.

И лишь после этого произнес:

— Нет.

— А?

— Когда я прибыл туда, от них остались лишь кости.

Когда Уван заговорил об этом, в его голосе больше не слышалось привычной скорби.

В нем звучали едва сдерживаемые рыдания.

Чашка выскользнула из рук Цзян Нин и со звоном разбилась на осколки.

— Как такое возможно...

Словно отказываясь верить услышанному, Цзян Нин даже начала сомневаться в словах Увана.

— Двенадцать... ровно двенадцать... неужели... неужели все они...

— Угу.

— А... их семьи, они уже знают?

— Угу...

— Их семьи... смогут ли они это принять?

— ...

Уван погрузился в молчание.

Пальцы Цзян Нин, сжимавшие край стола, мелко дрожали.

Дражал и ее голос.

Долгое молчание.

Для Цзян Нин эта весть была поигрышальной и невыносимо тяжелой.

— А виновник?

— Я уничтожил его.

Цзян Нин чуть заметно кивнула.

Больше она ничего не спрашивала.

Кажется, теперь она понимала, почему Уван истребляет ёкаев.

Если бы Уван не охотился на них, сколько еще злобных ёкаев в этом мире творили бы самые чудовищные, невообразимые беззакония...

Этой ночью Цзян Нин спала беспокойно.

Ей приснилось ее собственное задание.

Во сне

Уван превратился в безжалостного монаха-убийцу, что разил любого встречного ёкая.

Неважно, злобный то был ёкай или добрый — он убивал каждого, стоило ему оказаться ёкаем.

Он забрел переждать дождь к лotosовому пруду.

И там случайно столкнулся с Духом лотоса, только что принявшим человеческий облик.

Он в одиночку явился в Юнчэн.

И убил того ёкая, что похищал младенцев.

То был огромный черный паук.

Он крал младенцев из людских селений, чтобы выкормить собственное новоиспеченное потомство.

Будучи матерью, этот черный паук тем не менее отдал на растерзание чужих детей ради пропитания собственных.

Покончив с черным пауком и его детенышами,

Уван не покинул Юнчэн.

Потому что в Юнчэне по-прежнему было беспокойно. После событий с младенцем Уван желал лишь одного — как можно быстрее истребить демонов, скрывавшихся в Юнчэне, чтобы они

больше не смели творить беззаконие.

В Юнчэне его внимание привлекла Дань Юнь, связавшая себя узами брака с простым смертным.

Дань Юнь — главная героиня этого мира, а ее супруг — главный герой.

Дань Юнь всем сердцем стремилась к добру и тысячелетиями упорно культивировала, лишь бы взойти на небеса.

Когда она еще не приняла человеческий облик, она провалила небесную кару громовых испытаний и, вся покрытая ранами, рухнула в лесу.

Там ее подобрал Хуай И, поднявшийся в горы за диким женьшенем.

Изначально Хуай И происходил из семьи купца и не знал нужды в богатстве, но со временем торговля его семьи зачахла, и некогда сытая жизнь вмиг осталась позади.

К тому же мать слегла с тяжелой болезнью, и Хуай И был вынужден отправляться в горы на поиски женьшеня на продажу, чтобы оплатить ее лечение.

В прошлом Хуай И был ученым мужем и человеком поистине благородным — такие прекрасные душевные качества в те времена встречались крайне редко.

Подобрав Дань Юнь, он окружил ее самой нежной заботой и уходом.

И даже когда доброжелатели нашептывали ему, что шкура этой белой лисы необычайно редка и за нее можно выручить огромные деньги,

он не поддался искушению и не помышлял причинить ей вред.

Напротив, залечив все раны зверя, он отпустил белую лису обратно в родной лес.

Дань Юнь хранила память о Хуай И.

Она вечно помнила его доброту.

Если спасший тебя благодетель красив собой, отблагодарить его можно, отдав ему свое сердце.

Если же благодетель лицом не вышел, отблагодарить придется уже в следующей жизни.

В случае Дань Юнь судьба распорядилась так, что ей достались оба пути.

К тому моменту, когда она приняла человеческий облик, кости Хуай И уже давным-давно покоились в земле.

Дань Юнь оставалось лишь ждать его перерождения.

И в конце концов она действительно дождалась.

Оказавшись окруженным ее настойчивыми ухаживаниями, Хуай И не смог устоять и вскоре без памяти влюбился в Дань Юнь.

После свадьбы Дань Юнь безропотно и преданно осталась рядом с Хуай И, став его верной женой.

Их дни текли тихо и размеренно, но они были по-настоящему счастливы.

Однако это счастье продлилось недолго.

Потому что... явился Уван.

Фальшивый невинный дух лотоса, соблазненный монахом в жены (часть десятая)

Хуай И не имел ни малейшего понятия о том, что жена, с которой он изо дня в день делил кров и разделял трапезы, на самом деле — ёкай-лиса.

Вынужденная сражаться с Уваном, Дань Юнь перед самым Хуай И предстала в своем истинном обличье.

Откуда простому смертному Хуай И было знать о подобных чудесах — от увиденного он ошеломлен и застыл на месте, растеряв все мысли.

Но, глядя на израненную в битве с Уваном Дань Юнь, Хуай И почувствовал, как сердце сжимается от боли.

Он рухнул на колени, умоляя Увана пощадить его жену.

Уван лишь холодно глянул на него и вовсе не собирался прислушиваться к его мольбам о пощаде для Дань Юнь.

Лишь приложив последние силы, Дань Юнь сумела вырваться и уйти от погони.

Хуай И же вцепился в ноги Увана мертвой хваткой, не позволяя тому броситься в погоню за Дань Юнь.

Дань Юнь вернулась на Гору Сяншань, чтобы залечить раны.

Поправившись, она вновь отправилась в Юнчэн на поиски Хуай И.

Но там ей сообщили страшную весть: Уван уже увел Хуай И в Храм Душуй.

Дань Юнь бросилась на поиски, а следом за ней устремилась ее родная сестра Хун Лин.

Уван, казалось, с самого начала знал о их прибытии.

Он уже заранее поджидал их на месте.

Ни Дань Юнь, ни Хун Лин не могли тягаться с Уваном в силе.

Увана отличали бесчисленные магические артефакты и невероятно мощная магия.

Даже сражаясь на пределе всех своих возможностей,

Дань Юнь смогла лишь рухнуть на землю в Храме Душуй.

Она обратилась в тонкую струйку белого дыма и рассеялась между небом и землей.

А Хуай И собственными глазами стал свидетелем того, как пепел его жены развеялся по ветру.

В самый последний миг Дань Юнь больше всего переживала за Хун Лин; она взмолилась Увану, надеясь, что тот пощадит сестру, ведь Хун Лин была совершенно ни в чем не виновата.

Движимый неведомыми побуждениями, Уван согласился исполнить последнюю волю Дань Юнь.

Задача Цзян Нин заключалась в том, чтобы предотвратить эту трагедию.

Позволить Дань Юнь и Хуай И прожить эту человеческую жизнь в любви и согласии.

Дань Юнь была добрым ёкаем, она всем сердцем стремилась к праведности и неоднократно выручала людей.

Нельзя было допустить, чтобы из-за слепой одержимости Увана она закончила свою жизнь, сгинув без следа.

Она всего-навсего хотела отплатить за добро и быть со своим любимым мужем.

Когда Цзян Нин проснулась, ночь еще не отступила.

При тусклом свете луны Цзян Нин посмотрела на Увана, погруженного в медитацию.

Уван, это ты ранил ту белую лису?

В тишине комнаты голос Цзян Нин прозвучал особенно отчетливо.

Цзян Нин немного подождала, но Уван молчал.

Уван... — Цзян Нин во что бы то ни стало требовалось услышать ответ.

Она обязана была узнать.

Неужели Уван и вправду был столь же слепо жесток?

Мм.

Зачем? Зачем ты обошелся с ней так жестоко?

В голосе Цзян Нин уже проступали слезы.

Через нынешнего Увана она отчитывала того Увана из своего сна, по чьей вине Дань Юнь превратилась в пепел.

Что она сделала не так? Зачем было применять такую страшную силу?!

Я не причиню тебе вреда.

Уван поднялся с места, подошел к Цзян Нин и протянул руку, чтобы вытереть слезы с ее лица.

Цзян Нин инстинктивно отпрянула, избегая его прикосновения.

Это ее движение заставило Увана почувствовать беспричинную пустоту в груди.

Она — ёкай, и то, что я до сих пор ее не уничтожил — уже великая милость.

В голосе Увана сквозил холод. Он сжал пальцы на ее подбородке и силой повернул ее лицо к себе.

Уван искренне считал, что не совершил ничего дурного.

Стоило Малому демону ненадолго отлучиться, как по возвращении она проливает слезы из-за посторонних.

Не иначе как эта лиса обманула ее и заморочила голову.

Уван поднял палец и ласково провел по лицу Цзян Нин.

В его глазах таилось безумие, которого Цзян Нин не замечала.

Я ведь тоже ёкай...

Цзян Нин перехватила его руку.

Это была их первая столь близкая встреча, и проходила она в атмосфере нешуточного противостояния.

Я обучал тебя, ты не станешь творить зло среди людей.

С чего ты так уверен, что я не оступлюсь?

Я буду присматривать за тобой.

Цзян Нин внезапно усмехнулась.

То была лишь горькая, полная боли усмешка.

Белая лиса — добрая, она никогда не делала зла людям.

Крупные слезинки падали на тыльную сторону ладони Увана, обжигая его сердце.

У меня нет времени разбираться с каждым по отдельности — кто добрый ёкай, а кто злой. Я не хочу, чтобы повторилось то бедствие, когда не выжил никто. У ёкаев есть сила, которой лишены простые люди, и уже само их существование представляет угрозу для человечества!

Уван впервые произнес столь длинную речь, и тон его звучал непреклонно.

Цзян Нин не могла разглядеть выражение его лица в темноте.

Но она чувствовала, что его сердце тоже разрывается от боли.

Джанг Нин задрожала всем телом и, взмахнув руками, бросилась прямо в объятия Увана, крепко-крепко обняв его.

На таком близком расстоянии они оба отчетливо слышали стук друг друга — удар за ударом, трепетный и живой.

Уван не оттолкнул Цзян Нин, напротив, он с не меньшей силой заключил ее в ответные объятия.

Ощущая тепло прильнувшего к нему человека и ее слезы, капающие ему на шею,

Перестань плавать.

Уван мягко провел ладонью по голове Цзян Нин, смягчив голос и успокаивая ее.

Цзян Нин ничего не отвечала, лишь сильнее уткнулась лицом ему в грудь, а руки сомкнулись вокруг него еще крепче, словно она пыталась удержать что-то ускользающее.

Утреннее солнце мягко заливало комнату.

Его свет совсем не слепил глаза.

Скидывая с себя одеяло, Цзян Нин все еще пребывала в легком замешательстве.

Ее ноздри уловили тонкий, приятный аромат сандалового дерева, исходивший от Увана.

Стоило ей вспомнить, как посреди ночи она потеряла контроль над эмоциями, допытывала Увана и в конце концов заснула в его объятиях,

как щеки Цзян Нин тут же вспыхнули.

Не зря говорят, что по ночам люди склонны давать волю фантазиям — прошлой ночью именно так с ней и произошло.

Сон, где грани между явью и видением стерлись, лишил ее возможности отличить реальность от иллюзии.

К счастью, проснувшись, она обнаружила, что Увана нет в комнате, иначе ее позору не было бы предела.

Умывшись и приведя себя в порядок, Цзян Нин вышла из внутренней комнаты.

На столе в большой комнате уже дымился горячий завтрак.

Не обнаружив Увана поблизости, Цзян Нин собралась выйти на улицу на его поиски.

Но стоило ей только потянуть за ручку двери, как за ней обнаружился сам Уван.

Цзян Нин уставилась на него, на мгновение растеряв дар речи.

Ночью, судя по всему, прошел дождь, и с соломенной крыши все еще скатывались дождевые капли.

Заходи в дом, садись за еду. — Уван заговорил первым, мягко водворяя Цзян Нин обратно в комнату.

Ты... чего ты стоял на улице?

Цзян Нин не сдвинулась с места, лишь с любопытством глядя на него.

Заходи же.

Уван ничего не ответил, а просто вошел вместе с ней в комнату.

Она села за стол, и перед ней тут же очутилась пиала с поднимающей пар кашей — Цзян Нин протянула руки и приняла ее.

Во время трапезы Цзян Нин то и дело поднимала глаза, украдкой поглядывая на сидевшего напротив Увана.

Вид у Увана был самый обычный.

Единственным отличием оставалась царившая между ними атмосфера.

Немного... двусмысленная.

Уж не из-за тех ли объятий?

Цзян Нин не находила точного ответа.

Но Уван явно избегал ее взгляда.

Раньше Цзян Нин тоже обожала пялиться на него, но тогда Уван относился к этому совершенно спокойно: сколько бы времени она на него ни смотрела, он продолжал заниматься своими делами, не испытывая ни малейшего смущения.

Однако теперь все изменилось.

Цзян Нин чувствовала: стоило ей перевести взгляд на Увана, как он тут же начинал вести себя как-то неестественно... и неловко.

Утреннее стояние у дверей без попыток войти — уж не прятался ли он от нее?

Цзян Нин прищурилась, изучая Увана, и долго не отводила от него глаз.

Внезапно она заметила, что уши Увана покраснели до самого основания.

<http://bllate.org/book/22208/2315187>